

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА В США (1829—1837)

Н. Х. Романова

В работе «Протекционизм и свобода торговли» Ф. Энгельс писал, что к 1815 г. Англия «оказалась обладательницей фактической монополии мировой торговли во всех важнейших отраслях промышленности»¹. «Ближайшая задача английских фабрикантов и их глашатаев — экономистов, — по мнению Ф. Энгельса, — состояла в том, чтобы обратить все другие страны в фритредерскую веру и создать, таким образом, мир, в котором Англия была бы крупным промышленным центром, а все остальные страны — зависящими от нее земельными провинциями»². Но это в корне противоречило задачам молодой американской республики, которая отстояла свою независимость в войне с бывшей метрополией (1812—1815 гг.), еще раз подтвердив политическую самостоятельность, завоеванную в ходе буржуазной революции XVIII в. Буржуазия США стала с удвоенной энергией искать пути экономического роста и стабильности.

Правящие круги США, состоявшие из высших слоев буржуазии и плантаторов, в этот послевоенный период проявили относительно единодушие в стремлении упрочить национальную независимость путем стабилизации денежного обращения и стимулирования предпринимательской инициативы с помощью государственных субсидий. В составлении и претворении в жизнь «американской системы» принимали участие и представитель торгово-финансовой буржуазии Севера Даниэль Уэбстер, и ставленник Среднего Запада Генри Клей, и лидер плантаторов Юга Джон Кэлхун.

Программа федерального регулирования экономики включала три главных компонента: центральный банк США, представлявший собой корпорацию, наделенную государственными привилегиями и на $\frac{1}{5}$ акционерного капитала состоявшую из государственных средств; протекционистский тариф и систему так называемых внутренних улучшений, т. е. государственного субсидирования транспортно-коммуникационных средств.

Создание отечественной промышленности в условиях неразвитой экономики, основанной главным образом на сельском хозяйстве и внешней торговле, требовало мер государственного поощрения. И хотя официально главной задачей Банка США было восстановить нарушенное войной денежное обращение и «облегчить получение и распределение среди населения годового дохода»³, представители

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 373.

² Там же, с. 374.

³ Register of Debates in Congress, 1825—1837: Vol. 1—29. Wash., 1825—1837, vol. 6, pt 2, p. 106.

высших кругов буржуазии и плантаторов смотрели на него как на надежный источник кредита для предпринимательской деятельности. Высокий тариф, призванный оградить развивавшееся фабричное производство от иностранной конкуренции, вместе с государственными субсидиями на строительство дорог, каналов, мостов и гаваней также должны были обеспечить промышленное развитие Северо-Востока, прежде всего Новой Англии. А это, по мнению защитников тарифа в конгрессе, содействовало бы расширению внутреннего рынка — надежного средства для упрочения государственного единства и экономической независимости.

Картина американской действительности той поры прекрасно иллюстрировала известный тезис о развитии капитализма «вглубь» и «вширь»⁴. С одной стороны, промышленный переворот на Северо-Востоке, поддерживаемый «американской системой», т. е. системой опеки над промышленностью, торговлей и транспортно-коммуникационной сетью с помощью защитительного тарифа, государственных субсидий и монополий, основанных на государственных привилегиях; с другой — хлопковые и табачные плантации Юга, опиравшиеся, главным образом, на внешние рынки, а внутри страны строившие свое благосостояние за счет освоения новых территорий. Таким образом, капиталистическое развитие США шло двумя путями: интенсивным — на Северо-Востоке и экстенсивным — на Юге.

К концу 20-х годов XIX в. в стране произошли значительные изменения. К старым штатам присоединились новые обширные территории, ставшие полноправными членами союза: Луизиана (с 1812 г.), Миссисипи (с 1817 г.), Индиана с Иллинойсом (с 1818 г.), Алабама (с 1819 г.) и Миссури (с 1821 г.). А. В. Ефимов пишет, что эти новые западные районы стали быстро обгонять старые по численности населения и в то время как в «среднем населении США давало прирост за десятилетие в 30%, прирост населения с 1810 по 1820 г. равнялся в Кентукки 22%, Луизиане 41%, в Теннесси и Огайо 61%, в Миссисипи 81%, в Индиане 133%, в Алабаме 142% и в Иллинойсе 185%»⁵.

Эти изменения, означавшие прежде всего усиление экономической роли Запада и Юга, стали причиной новой расстановки социальных и политических сил в стране, что вместе с зарождением рабочего движения на Северо-Востоке нашло отражение в создании демократической партии. Борьба за президентское кресло в 1824 г. показала, что власть переходит к политикам нового типа, опиравшимся не на буржуазно-плантаторскую элиту Атлантического побережья, а на широкие массы мелкой и средней буржуазии по всей

⁴ См.: Ефимов А. В. США: Пути развития капитализма. М., 1969, с. 200; Ефимов А. В., Куропятник Г. П. К вопросу об общей тенденции истории США. М., 1969; Куропятник Г. П. Борьба двух тенденций капиталистического развития США в эпоху буржуазных революций. — Новая и новейшая история, 1976, № 2, с. 77–89; Болховитинов Н. Н. Некоторые проблемы генезиса американского капитализма (XVII — первая половина XIX в.). — В кн.: Проблемы генезиса капитализма. М., 1970, с. 128–199.

⁵ Ефимов А. В. США..., с. 80.

стране. Победа демократов на президентских выборах 1828 г. положила начало «джексоновской демократии»⁶.

С первых шагов своей деятельности в Белом доме президент США Э. Джексон начал борьбу против «трех китов» «американской системы», несмотря на сильную оппозицию конгресса США, где решающую роль по-прежнему играли представители старой республиканской политической машины, именовавшие себя «национальными республиканцами». Новое правительство отказалось от программы «внутренних улучшений», что проявилось не только в решительном тоне президентских посланий конгрессу, но, в частности, в наложении вето на законопроект о подписке на акции Мейсвилльской железнодорожной компании. В соответствующем документе говорилось, что конституционное право федерального правительства проводить или поощрять работы по «внутренним улучшениям», во-первых, нарушает суверенитет штатов, в чьих пределах задумано осуществление проекта, а во-вторых, лишает их самостоятельного права использовать денежные ресурсы национальной казны для оказания поддержки этим работам⁷. Таким образом, усиливалась роль местного управления в рамках штатов по сравнению с федеральной властью. Штатам и отдельным гражданам предоставлялась экономическая инициатива.

После мейсвилльского законопроекта Джексон наложил вето и на другие аналогичные предложения, в частности на проект Роквилльской железнодорожной компании, на планы о постройке маяков, памятников, гаваней и других подобных сооружений, а также канала Портленд—Луисвилль⁸.

Высокий тариф 1823 г. во второй период правления Э. Джексона (с 1832 по 1837 г.) был заменен умеренным тарифом с тенденцией к его дальнейшему снижению (с 1833 по 1842 г.)⁹.

Полномочия Банка США не были возобновлены после истечения срока их действия в 1836 г. Актом о регулировании депозитов и Актом о распределении депозитов общественные деньги были распределены между штатами¹⁰. В 1840 г. преемник Э. Джексона М. Ван-Бюрен подписал акт о создании независимого федерального казначейства, просуществовавшего до 1913 г.¹¹ Так была отменена система государственного регулирования финансов.

В ответ на широкое распространение скваттерства (самовольного заселения свободных земель) правительство Э. Джексона в 1836 г. вынесло решение о продаже участков по 40 акров. Причем специально было отмечено, что такая мера, очень важная именно

⁶ История США. М., 1983, т. 1, с. 313–323.

⁷ A Compilation of Messages and Papers of the Presidents, 1789–1902: Vol. 1–10/Ed. by J. D. Richardson. Wash., 1903, vol. 2, p. 484.

⁸ Ibid., p. 511; vol. 3, p. 119.

⁹ Ibid., vol. 2, p. 643, 655, 597, 598.

¹⁰ Select Documents Illustrative on the History of the United States, 1776–1861/Ed. by W. MacDonald. N. Y., 1924, p. 327.

¹¹ Дубовицкий Г. А. Демократическая партия и политическая борьба в США в период президентства М. Ван-Бюрена.— Вестн. МГУ. Сер. 8, История, 1979, № 3, с. 53.

для беднейшего сословия граждан и направленная на ограничение монополий на общественные земли и спекуляции ими, предусматривает понижение цен на земли и стремится к уравниванию земельных наделов в новых штатах по сравнению со старыми¹². Это была попытка отхода от эксплуатации государственного фонда земель в качестве источника национального дохода, основные суммы которого шли на поощрение промышленности и «внутренних улучшений». Наиболее последовательные защитники мелкобуржуазного аграрного идеала, такие, как сенатор Т. Бентон, требовали ликвидировать государственный земельный фонд, ссылаясь на то, что «общественные земли принадлежат народу, а не федеральному правительству», поскольку США — «республика, а не монархия»¹³. Однако дело не пошло дальше распределения денег от продажи земель между штатами.

Реформы правительства Э. Джексона имели огромный резонанс как в общественно-политической жизни США 30-х годов XIX в., так и при последующем научном анализе этой исторической эпохи. Причем суждения о ней до сих пор остаются настолько противоречивыми, что ставят в тупик новых и новых исследователей различных проблем, входящих в круг весьма условного понятия «джексоновской демократии». Тем более настораживает тот факт, что в последние два десятилетия, в отличие от послевоенного периода, в американской историографии прослеживается явная тенденция объяснять социально-экономические реформы Э. Джексона борьбой идей и партийных доктрин, волюнтаризмом политических деятелей, подчинявших интересы общества своим честолюбивым целям. Характерной в этом смысле является позиция Дж. Макфола, посвятившего свой труд финансовой политике Э. Джексона, т. е. по сути центральной теме демократических реформ 30-х годов. Не анализируя причин усиления политической активности всех слоев американского общества, автор исследования берет этот фактор за исходный и на основании его делает вывод о том, что в действиях правительства США 30-х годов XIX в. «экономические интересы были подчинены политическим»¹⁴. И далее утверждает: «Определяющим фактором эпохи Джексона был не триумф *laissez faire*, или государственной опеки, но возникновение и упрочение позиций новой политической партийной системы»¹⁵. В этой связи нам кажется необходимым показать, что наличие межклассовых и межнациональных противоречий в экономической сфере и было главной причиной формирования двухпартийной системы. А еще точнее — показать взаимовлияние базисных и надстроечных факторов эпохи, каждый из которых явился следствием промышленного переворота,

¹² American State Papers. Documents. Legislative and Executive of the Congress of the United States: Vol. 1–38. Wash., 1832–1861, vol. 8, p. 886.

¹³ Annals of Congress of the United States. The Debates and Proceedings in the Congress of the United States, 1789–1824: Vol. 1–42. Wash., 1834–1856, vol. 1, p. 727.

¹⁴ McFaul J. M. The Politics of Jacksonian Finance. Ithaca, 1972, p. 211.

¹⁵ Ibid.

т. е. многогранного процесса, охватывавшего все сферы общественно-экономической жизни общества, находящиеся в постоянном взаимодействии.

С самых первых шагов независимого буржуазного государства Северной Америки мы можем проследить сосуществование двух основных направлений в экономической политике правящих классов: протекционистского, связанного с интенсивным путем развития капитализма на Северо-Востоке США, и либерального, соответствовавшего экстенсивному типу капиталистического хозяйствования. Хотя рамки этих направлений были значительно шире, первое из них можно условно связать с промышленностью, второе — с сельским хозяйством, как свободным, фермерским, так и плантационно-рабовладельческим. Противоборство этих направлений коренилось в изначальных противоречиях, присущих американскому буржуазному государству с его различными укладами хозяйства, национальными и расовыми предрассудками, с его политической свободой и экономической зависимостью от Англии, с его различными природно-климатическими зонами, большими пространствами свободных земель и богатством природных ресурсов, наконец, с теми культурными и идейными традициями, которые были привнесены из Европы. Процесс промышленного переворота лишь придал этому противоборству более широкую социальную основу.

Действительно, уже в первые годы существования независимых Соединенных Штатов противоречия между сторонниками государственного поощрения промышленности и сторонниками политики экономического либерализма, т. е. невмешательства государства в экономику, составляли главный предмет внутриполитических дебатов в конгрессе США, принимая форму диспута о широком и узком толковании конституции, о соотношении между центральной федеральной властью и правами штатов, о приоритете промышленности над сельским хозяйством и наоборот. Экономическая программа буржуазных кругов Севера в то время, как известно, получила обоснование в докладах министра финансов А. Гамильтона конгрессу, в том числе «О национальном банке» и «О мануфактурах»¹⁶. Уже в ту пору эта программа преследовала цель «осуществить партнерство государства с владельцами денежных богатств нации»¹⁷. Провозглашая идею охраны интересов национального развития от монополии английской торговли, она, с одной стороны, служила развитию производительных сил государства, а с другой — обогащению кучки капиталистов, стоявших у кормила государственной власти. Что касается тенденции к экономическому либерализму, то теоре-

¹⁶ The Papers of Alexander Hamilton: Vol. 1-25/Ed. by H. Syrett. N. Y.; L., 1961-1977, vol. 6, p. 65-168; vol. 7, p. 305-342; vol. 10, p. 230-340. Цит. по: Согрин В. В. Идейные течения в американской революции XVIII в. М., 1980, с. 206-232. См. также: Согрин В. В. Александр Гамильтон и образование США.— Новая и новейшая история, 1976, № 2, с. 120-138.

¹⁷ Согрин В. В. Идейные течения в американской революции XVIII в., с. 212-213.

тической базой для нее послужил труд Адама Смита¹⁸, а социальной платформой — нужды широких слоев народа, в подавляющем большинстве занятого сельскохозяйственным и ремесленным трудом.

Формулирование демократической экономической доктрины в период революции было связано с демократами-республиканцами: Т. Джефферсоном, Б. Франклином, Т. Пейном, Б. Рашем¹⁹. В спорах с федералистами о путях развития отечественной экономики Томас Джефферсон и Бенджамин Франклин выдвигали тезис о преимущественно аграрном развитии отечественной экономики в качестве альтернативы политике протекционизма, что объяснялось и реальными условиями жизни в США и нравственно-этической позицией этих защитников идеи о социальном благоденствии, справедливости и «избранности Америки для воплощения идеалов добра и зла»²⁰.

Если, по словам К. Маркса, система протекционизма была «искусственным средством фабриковать фабрикантов...капитализировать национальные средства производства...насиловать ускорять переход от старого способа производства к современному»²¹, то свобода торговли и тесно связанная с ней политика экономического либерализма поощряли капиталистическое предпринимательство и конкуренцию и обеспечивали еще большие возможности для увеличения числа фабрикантов, но уже с помощью спонтанного действия капиталистических сил.

По мере утверждения и развития капиталистического способа производства увеличивалось и взаимодействие надстроечных и базисных компонентов в становлении американской нации. К тому моменту, когда политическая независимость от Англии была подтверждена результатами войны 1812 г. и проблема экономической независимости вновь приобрела первостепенное значение, буржуазная экономическая мысль была обогащена учением Д. Рикардо (1772—1823). В отличие от А. Смита (1723—1790) — теоретика мануфактурного периода — Д. Рикардо явился последовательным защитником промышленного развития и тем самым значительно углубил теоретические основы капитализма, а вместе с тем и буржуазную общественно-экономическую мысль в целом.

К 30-м годам XIX в. экономическая политика правящего класса США изменилась в сторону межклассового компромисса, что было связано с процессом промышленного переворота и его следствием — становлением двухпартийной системы правления. Идея интересов большинства — главного идеологического постулата «джексоновской демократии», — бесспорно, тяготела к защите аграрных интересов фермеров и плантаторов, но не настолько, чтобы разделять стихийно-антикапиталистические или сепаратистские настроения этих классов. В этой связи характерен взгляд Эндрю Джексона на

¹⁸ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.; Л., 1936.

¹⁹ Согрин В. В. Идеиные течения в американской революции XVIII в., с. 164.

²⁰ Там же, с. 165—167.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 767.

один из наиболее дискуссионных вопросов эпохи — тариф. В то время как два крайних оппонента по этому вопросу — плантаторы Юга и промышленные круги Северо-Востока — отстаивали полярные точки зрения, Э. Джексон еще в 1824 г., в период своей первой попытки стать президентом США, писал о необходимости умеренного тарифа, который позволил бы обеспечить независимость отечественной экономики, при этом избегая слишком сильного давления на широкие массы налогоплательщиков²². Его позиция в период тарифного кризиса 1832 г. и последующее санкционирование им компромиссного тарифа свидетельствуют об общенациональной политике седьмого президента США, о его стремлении к примирению интересов различных классов. Последнее и дало повод А. де Токвилю, а под его влиянием и представителям историографии консенсуса говорить о гармонии интересов, классовом сотрудничестве и т. п.²³ Но в том-то и дело, что демократы-джексонианцы тем более были вынуждены призывать к этой гармонии в своих политических доктринах и актах своего правительства, что в 30-х годах, как никогда прежде, наблюдалось обострение социальных и региональных противоречий.

О необходимости классового примирения размышляли известные деятели эпохи, мечтая при этом соединить в одном лице «мудрость Дж. К. Адамса» и действенную активность, «решительность» Э. Джексона²⁴. Более того, мечта о классовом мире порождала целые экономические учения, примером чему служат труды лидера американской вульгарной политэкономии первой половины XIX в. — Г. К. Кэри²⁵. Этот буржуазный экономист, впрочем как и многие современные американские исследователи, ставя вопрос о целесообразности одного или другого из двух традиционных направлений экономической политики: протекционизма или фритредерства, исходил из прагматических соображений, что вполне соответствовало тому объяснению, которое дал подобному подходу к историческим фактам К. Маркс: «Вульгарные экономисты — их надо строго отличать от экономистов-исследователей... — фактически переводят на язык политической экономии представления, мотивы и т. д. находящихся в плену у капиталистического производства носителей его, представления и мотивы, в которых капиталистическое производство отражается лишь в своей поверхностной видимости. Они

²² Correspondence of Andrew Jackson: Vol. 1—7/Ed. by J. S. Bassett, J. F. Jameson. Wash., 1926—1935, vol. 3, p. 249—251.

²³ Токвиль А. де. О демократии в Америке. М., 1897; Болховитинов Н. Н. Современная американская историография: новые течения и проблемы. — Новая и новейшая история, 1969, № 6, с. 116—121; Дементьев И. П. Основные направления и школы в американской историографии послевоенного времени. — Вopr. истории, 1976, № 11, с. 67—90.

²⁴ The Diary of Philip Hone, 1828—1851: Vol. 1—2/Ed. by A. Nevins. N. Y., 1927, vol. 1, p. 65.

²⁵ Carey H. C. The Past, the Present and the Future. Philadelphia, 1872 (1st ed.: 1847); Кэри Г. К. Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов. М., 1860; см. также: Реуэль А. Л. История экономических учений. М., 1972.

переводят их на доктринерский язык, но с точки зрения господствующей части (общества), капиталистов, и поэтому не наивно и объективно, а апологетически»²⁶.

Охватывая взором полувековой период времени — с 1808 по 1858 г., Кэри приходит к выводу о наличии следующей закономерности: «Под владычеством системы, имеющей целью сблизить потребителя с производителем, общество преуспевает в силе, богатстве и могуществе, тогда как под господством противоположной системы, известной под названием свободной торговли, потребитель разделяется с производителем; все приходит в упадок, и страна делается ежедневно беднее, слабее, зависимее»²⁷. На основании периодических изменений в тарифной политике правящих кругов США Кэри разделил период от завершения войны 1812 г. практически до конца 50-х годов XIX в. на фазы процветания, связанные с введением протекционистских мер, и фазы упадка, явившиеся прямыми, по его мнению, результатами политики свободной торговли: 1817—1824, 1824—1828, 1828—1834, 1834—1842, 1842—1846 гг.²⁸

Кэри так описывает плачевные результаты очередного перехода от протекционизма к фритредерству: «Последствия этих перемен скоро обнаружили в закрытии многих фабрик, в учреждении и несостоятельности многочисленных банков, в упадке цен на все продукты ферм и плантаций и в разорении фермеров и плантаторов, в уменьшении спроса на труд, в распространении нищеты, в вывозе монеты, в росте общественного долга»²⁹. Так было с 1817 г. до принятия относительно высокого тарифа 1824 г. и еще более высокого 1828 г. Затем, по мнению Кэри, наступил период процветания, закончившийся к 1834 г., когда отказ от охранительного тарифа имел своим следствием наряду с перечисленными выше бедствиями «отказ штатов платить свои долги» и «банкротство государственного казначейства, которое принуждено было выпустить неразменные бумажные деньги как единственное средство, которым можно было поддержать действие правительственной машины»³⁰.

В результате обзора всех этих экономических метаморфоз Кэри со свойственной ему буржуазной ограниченностью делает решительный вывод: «Каждый раз, как центральная власть действовала в одном направлении, число учрежденных банков было не велико и т. д. И каждый раз, как оно действовало в противоположном направлении, последствия были совершенно иные». Если такова закономерность, рассуждает он, то «причины упадка заключены в центральном правительстве»³¹. Не будучи в состоянии понять истинный механизм процесса производства в современном ему раннекапиталистическом обществе, Кэри, подобно многим его современникам, причастным к политике, всю историю производственных отношений представлял себе, по выражению К. Маркса, лишь «фаль-

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 26, ч. III, с. 471.

²⁷ Кэри Г. К. Указ. соч., с. 7.

²⁸ Там же, с. 5—7.

²⁹ Там же, с. 5.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, с. 8.

сификацией, злонамеренно учиненной правительствами»³². В этом, как нам кажется, заключена суть субъективистских воззрений буржуазных идеологов и экономистов до К. Маркса и тех современных историков, которые склонны абсолютизировать роль политического действия в процессе развития человеческого общества. Рассматривая те же явления, с которыми столкнулись современники Кэри, с точки зрения марксистско-ленинской методологии, мы видим процесс, обратный тому, о котором Кэри говорил как о закономерности. Не волюнтаристские решения правительств США, менявших свой экономический курс, влекли за собой экономические кризисы, а промышленный переворот, имевший радикальные последствия не только в экономике, но и в социальной структуре и социальных отношениях общества, стал их причиной и заставил политиков США в 20—30-х годах XIX в. искать способы экономической стабильности исходя не только из соображений независимости от Англии и задач внутривнутриполитического развития, но прежде всего из противоречивых интересов различных классов. Естественно поэтому, что вопрос о «целесообразности» отказа от политики жесткого протекционизма, осуществленный в период правления Э. Джексона, заменяется нами вопросом о причинах такого перехода.

В течение первой половины XIX в. Северная Америка в экономическом отношении во многом зависела от Европы. Ликвидировать это положение можно было лишь с помощью политики протекционизма. Необходимость создания отечественной промышленности и повышения в этой связи тарифа демократы-джексонианцы хорошо понимали. И тем не менее, став у власти, они одну за другой отвергли меры государственного поощрения промышленности.

Известно, что в период борьбы за власть демократы мало задумывались над тем, какова будет их экономическая политика в случае победы. Их целью было создание и приведение в действие новой партии, которая опиралась бы на широкие слои «народа», а по сути аграрной буржуазии, составлявшей большинство населения США. Опора на большинство с самого начала продиктовала компромиссный характер всей внутренней политики демократов. Их союзниками по партии оказались самые различные социальные элементы американского общества, чьими интересами джексонианцы не могли пренебречь уже в силу этого главного идеологического постулата своей политики. При подсчете голосов на выборах в борьбе с таким сильным противником, как торгово-промышленная и финансовая буржуазия Северо-Востока, стоявшая у власти, такой широкий лозунг, как защита «интересов большинства», мог оказать добрую службу. Так и произошло. Большинство перешло на сторону демократов и в 1828, и в 1832, и в 1836 гг. Если бы ни экономический кризис 1837 г. — как знать, смогли бы виги одержать победу и в 1840 г.?

Исследование показало, что и сам приход к власти массовой буржуазной партии и те социально-экономические преобразования,

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 12, с. 711.

которые были осуществлены ею, имели объективные причины. Главной из них, как уже подчеркивалось нами, были противоречия между интересами различных классов США, обусловленные результатами промышленного переворота.

Даже после того как Джексон произвел чистку государственного аппарата путем массовой замены служащих, лояльных к прежней администрации, партия национальных республиканцев — сторонников «американской системы» имела прочные позиции в конгрессе и Верховном суде США. А это означало, что национальный доход страны по-прежнему находился в руках крупнейших капиталистов Северо-Востока, связанных со Вторым банком США, с помощью которого они субсидировали промышленное производство, торговлю и судоходство, земельную спекуляцию и тому подобную предпринимательскую активность сторонников своей партии. Таким образом, государственная машина, обязанная по конституции оказывать всем правомочным гражданам США равное покровительство, продолжала действовать в интересах меньшинства, или «денежной аристократии», как окрестили его современники.

Для рабочих и фермеров олицетворением этой власти денежных мешков был Банк США, завладевший монополией кредита — этого необходимого двигателя предпринимательской активности. Тот же банк был для них символом всех банков вообще, т. е. по распространенному тогда представлению источником инфляций, кабальных долговых обязательств, имущественных крахов и т. д.³³⁻³⁴ Мы не должны забывать, что капитализм США уже в эту раннюю эпоху своего развития обнаружил многие из присущих ему недостатков. Рабочие Северо-Востока и мелкие собственники по всей стране были свидетелями кризисов 1819 и 1825 гг., и, как всегда в подобных случаях, они возлагали вину за них на правящие круги. Люди, ответственные за формирование общественного сознания, подобные Кэри, не говоря уже о рядовых американцах, видели в кризисных явлениях лишь следствие волюнтаристских изменений в экономической политике правительства США, то повышавшего, то понижавшего тарифы³⁵. Нет ничего удивительного в том, что со сменой одного буржуазного правительства другим трудящиеся США связывали свои надежды на улучшение жизни.

Для многих средством такого улучшения была возможность приобрести клочок земли для устройства фермы. Однако известно, насколько иллюзорной оставалась мечта о свободных землях Запада³⁶. Сторонники протекционизма смотрели на фонд общественных

³³⁻³⁴ Catterall R. Ch. The Second Bank of the United States. Chicago, 1960, p. 185; Hammond B. Banks and Politics in America. Princeton, 1957, p. 370.

³⁵ Кэри Г. К. Указ. соч., с. 5-8.

³⁶ Демитовский М. В. Государственные земли и их значение в истории США (1780-1862 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Баку, 1969; Он же. Колонизация земель Запада и особенности развития капитализма в США. — Вopr. истории, 1973, № 5, с. 97-112; Болховитинов Н. П. Западные земли и развитие капитализма. — В кн.: США: проблемы истории и современная историография. М., 1980, с. 301-338.

земель как на источник пополнения национальной казны за счет продажи этих земель по высоким ценам большими участками³⁷. Борьба за демократический путь решения аграрной проблемы началась еще джефферсоновскими республиканцами, отстаивавшими бесплатную раздачу этих земель в противовес стремлениям федералистов использовать деньги от их продажи как источник национального дохода³⁸. Но и демократам-джексонианцам не удалось радикально решить эту проблему, несмотря на многочисленные законы о скваттерстве и «праве поселенца»³⁹. Беднейшие слои населения считали продажу общественных земель незаконной и продолжали выражать свое недовольство этой политикой вплоть до 1862 г., т. е. до принятия закона о гомстедах в период гражданской войны (1861—1865 гг.).

Земельная политика «национальных республиканцев» — вигов была чужда насущным интересам малоимущих. Инициаторы протекционизма, такие, как Генри Клей, стремились сохранить для предприятий Северо-Востока дешевую рабочую силу, воспрепятствовать устремлению рабочих на Запад. Оппонент Клея сенатор Гейп, защищая резолюцию сенатора Фута о быстрой распродаже земель по минимальной цене небольшими участками, предполагал, что реализация этой программы способствовала бы «оттоку рабочих из промышленных городов, чтобы в США не было такой неприглядной картины, как в других странах с большой скученностью населения»⁴⁰. Продажа земель по высоким ценам и большими участками не только навсегда рассеивала надежды многих бедняков, но и в лучшем случае отдавала последних во власть спекулянтам. Полная победа вигов в этом вопросе привела бы к плачевной картине, обрисованной сенатором Робинсоном: «Бедные держатели земли попадут во власть землевладельцев; откроется дорога для спекуляций; затормозится заселение новых штатов; понизится предпринимательская инициатива; владельцы мануфактур понизят зарплату и повысят свои требования»⁴¹. Политика вигов, по мнению рупора демократов газеты «Вашингтон глоуб», была направлена на то, чтобы держать рабочих в рабстве на фабриках⁴².

Наиболее радикальным оппонентом этого взгляда оказался сподвижник Э. Джексона сенатор из Миссури Т. Х. Бентон. Он не только отрицал правомерность взгляда на земли как на источник дохода, но и ссылаясь при этом на нужды и чаяния беднейших слоев населения, особенно нуждавшихся в свободном владении землей. В его речи были недвусмысленно выражены социальные противоречия между «бедными» и теми, кто их эксплуатировал с по-

³⁷ Willington R. G. The Political and Sectional Influence of the Public Lands, 1828—1842. N. Y., 1970 (Reprint from 1914).

³⁸ Севостьянов Г. Н., Уткин А. И. Томас Джефферсон. М., 1976, с. 265; Согрин В. В. Идеиные течения в американской революции XVIII в., с. 144.

³⁹ Демизовский М. В. Указ. соч., с. 23—24.

⁴⁰ Register of Debates in Congress, vol. 8, pt 1, p. 34.

⁴¹ Ibid., p. 1173—1174.

⁴² Smith E. B. Francis Preston Blair. N. Y., 1980, p. 59.

мощью государственных налогов. Он противопоставлял «капиталистов-промышленников» и «тех, кто обрабатывал землю»⁴³.

Демократическая риторика джексонианцев не получила бы широкого одобрения, если бы она не отвечала коренным интересам народных масс. Рост национального дохода, на который рассчитывали виги, проводя в жизнь систему протекционизма, осуществлялся главным образом за счет увеличения налогов, которые всегда были ярмом для трудящихся классов. Для фермера, ремесленника, торговца, наемного рабочего широковещательные рассуждения конгрессменов об общественном благе, национальном прогрессе и т. п. были пустыми словами, пока федеральная налоговая система способствовала тому, что их деньги, добытые тяжелым трудом, служили обогащению хозяев промышленных и торговых предприятий.

Вводя государственную систему «внутренних улучшений» или протекционистский тариф, авторы «американской системы» сузили обществу национальную независимость, расширение внутреннего рынка, обеспечение общества дешевыми промышленными товарами отечественного производства и т. п. Но это было лишь отдаленной перспективой, в то время как принятие высокого тарифа уже в текущее время сокращало приток высококачественных и дешевых английских товаров. Недаром член палаты представителей Барнард называл протекционистские тарифы 1822 г. «налогами на покупателей»⁴⁴. «Прислушайтесь к жалобам народа,— говорил другой конгрессмен, Клейборн,— и вы увидите, как оправдываются в них мои наблюдения... Фермер пожалуется на низкие цены на его продукцию, обеспечивающие ему не более 1% дохода на весь капитал, он скажет вам, что 5% на каждый фунт кофе, который он выпивает, 20% на каждый бушель соли и 33% на шерсть, которую он покупает,— это слишком много... Если вы заведете разговор о дополнительных поборах, фермеры спросят о том, куда делись те миллионы, которые они уже заплатили»⁴⁵.

Политика поощрения промышленного производства на основе государственных субсидий и другого рода привилегий вызывала протест не только у беднейших слоев фермерства и наемных рабочих, но и у плантаторов-рабовладельцев Юга и у аграрной буржуазии Среднего Запада, в том числе штатов Теннесси и Кентукки.

Хозяева хлопковых и табачных плантаций Юга имели надежного и выгодного партнера в лице Англии, снабжая эту наиболее развитую капиталистическую державу промышленным сырьем. Торговля эта носила двухсторонний характер. Изделия европейской промышленности неизменно находили спрос на Юге США, как, впрочем, и по всей стране. Повышение тарифа было весьма разорительно для многих рабовладельцев. Кроме того в тенденции промышленного развития они усматривали (и не без оснований) прямую угрозу рабовладению. Недовольство южных плантаторов было продемонстрировано в ходе «тарифного кризиса», когда политические лиде-

⁴³ Register of Debates in Congress, vol. 8, pt 1, p. 785—786.

⁴⁴ Ibid., vol. 4, pt 2, p. 1935.

⁴⁵ Ibid., pt 3, p. 1796.

ры южных сепаратистов — Кэлхун, Макдаффи, Гамильтон — требовали «нуллифицировать» законы о тарифах 1828 и 1832 гг. под угрозой выхода из Союза Южной Каролины⁴⁶.

В известном документе нуллификации — «Экспозиции и Протесте» защита рабовладельцами своих классовых интересов приняла риторическую форму борьбы за «права штатов» — традиционная тема еще джефферсоновских демократов. Наряду с неприятием высокого тарифа южные сепаратисты обвиняли всю федеральную государственную машину, осуществлявшую сбор налогов, в нарушении принципа равного налогообложения, под тем предлогом, что затраты государственных средств на субсидирование внутренних улучшений и обеспечение кредитоспособности Второго банка США осуществлялись главным образом в интересах промышленных кругов Северо-Востока в ущерб интересам аграриев Юга и Запада. «Ни одно государство не решится на прямой и открытый грабеж, — говорил Макдаффи в речи в Чарльстоне в 1831 г., — но оно может осуществлять чудовищные отступления от закона путем налогообложения, причем все это во имя свободы и отдавая дань самому высокому патриотизму»⁴⁷. Таким образом, рабовладельцы Юга выступали против узкоклассовости протекционистской политики, стоявшей на защите интересов промышленников Севера, которые, по мнению того же Макдаффи, присваивали одну треть всех доходов южан⁴⁸. Падение цен на хлопок, особенно усилившееся в результате введения высокого тарифа 1828 г., повлекло за собой разорение многих плантационных хозяйств и наряду с истощением почв на старых рабовладельческих территориях вызвало массовый уход хозяев со своих плантаций и переселение их на отдаленные территории. В этих условиях сепаратисты возлагали на суверенитет Южной Каролины исключительную миссию защиты южан от «грабежа, подавления и окончательного краха»⁴⁹.

Высокий тариф нарушал привычную торговую взаимосвязь с Европой и не обещал ничего, кроме материальных потерь в ближайшем будущем. Если бы даже рабовладельцы Юга и согласились на временное сокращение своих доходов ради утверждения экономической мощи всей страны на основе развития отечественной промышленности и, как следствие этого, — внутреннего рынка, то они не смогли бы примириться с тем, что их временный экономический ущерб способствовал обогащению промышленной, торговой и финансовой буржуазии Севера и упрочению ее политической власти.

Несмотря на то что среди плантаторов Юга были и более умеренные слои, в том числе богатая рисовая аристократия Атлантического побережья, стоявшая за союз с Севером, противоречия между интересами хозяев хлопковых плантаций и политикой торгово-промышленных и финансовых кругов Северо-Востока достигли значительной глубины. Уже в конце 20-х годов многие на Юге

⁴⁶ The Nullification Era. A Documentary Record/Ed. by W. W. Freeling. N. Y., 1967, p. 62.

⁴⁷ Ibid., p. 113.

⁴⁸ Ibid., p. 114–116.

⁴⁹ Ibid., p. 116.

осознавали всю ненадежность позиций рабовладения в связи с развитием промышленного переворота. Pamфлет «Кризис», принадлежавший перу журналиста из Южной Каролины Тернбула и изданный в Чарльстоне, предостерегал от этой угрозы. Север и Запад, рассуждал автор, составляют большинство нации. Это большинство имеет тенденцию увеличиваться. Перспектива такова, что в будущем оно станет подавляющим и правительство превратится в оружие его власти. В памфлете доказывалась неизбежность отмены рабовладения как меры, вполне отвечавшей положению конституции. По мнению Тернбула, бороться против тарифа было трудно потому, что билль о тарифе — это билль о повышении национального дохода. «Высокий тариф, — рассуждал автор памфлета, — представляет огромную опасность уже тем, что он защищен конституционной аргументацией, которая дает конгрессу право делать все, что захочет, включая право отменить рабство»⁵⁰. Тернбул противопоставляет политику Севера интересам Юга и указывает на ущемленность последнего по сравнению с первым.

Таким образом, главной причиной неприятия плантаторами-рабовладельцами «американской системы» было противоречие между двумя укладами хозяйства: промышленно-капиталистическим на Северо-Востоке и плантационно-рабовладельческим на Юге.

В стремлении обрести союзника и Северо-Восток и Юг обращались к Западу. Политические альянсы Клея и Адамса, Джексона и Ван-Бюрена красноречиво свидетельствуют об этом, впрочем, как и поддержка большинством южан политики Эндрю Джексона и партии демократов. Причины последнего следует искать в общности интересов плантаторов-рабовладельцев и аграрной буржуазии Среднего Запада. Занятие сельским хозяйством и противодействие «американской системе» как сплуту торгово-промышленной и финансовой буржуазии Северо-Востока сблизило эти классы, несмотря на значительные различия в их положении и общественных взглядах. Один из лидеров южан — Купер стремился подчеркнуть «классовый» характер противоречий, объединяя при этом плантаторов и фермеров в один «класс аграриев», оторванный от городских центров, от информации, неорганизованный, плохо представленный в конгрессе, в отличие от «класса промышленников», которые «очень активны, организуют митинги, выступают с петициями, планируют, жалуются и т. д. Стоит ли удивляться, — рассуждал он, — что в любой борьбе последние возьмут верх над фермерами и плантаторами»⁵¹.

Экономические интересы плантаторов Юга во многом совпадали с интересами фермеров. Главным объединяющим моментом был сельскохозяйственный труд. Недаром в американских источниках изучаемого периода повсеместно встречаются такие термины, как «аграрии», «интересы аграриев», «классы аграриев».

Зарождение фабричной промышленности в Новой Англии не могло пока существенно изменить характера экономики, которая оставалась по преимуществу аграрной. Сельскохозяйственные продукты

⁵⁰ Ibid., p. 26, 27.

⁵¹ Ibid., p. 21.

составляли основной предмет как внутренней, так и внешней торговли. К 30-м годам XIX в. из 10 американцев 7 были фермерами⁵². По свидетельству одного из американских исследователей, многие ремесленники, торговцы и неквалифицированные рабочие имели свои фермы или приусадебные участки, где занимались сельским хозяйством, приобщаясь таким образом к «аграриям»⁵³. Смешанные социальные характеристики вообще были типичным явлением этого переходного периода. Землевладельцами были не только Джексон и его влиятельные друзья по партии из Теннесси, например Дж. Овертон, но и Г. Клей — этот признанный лидер движения за приоритет промышленности.

И для аграрной буржуазии Запада и для плантаторов-южан вопрос о доступе к западным землям был одним из самых насущных. Обоюдная заинтересованность политиков Юга и Запада, выступавших от имени своих избирателей, была выражена в знаменитой речи в конгрессе сенатора из Южной Каролины Роберта Гейна, который поддержал проект резолюции сенатора Фута из Коннектикута о быстрой и «максимально дешевой» распродаже общественных земель⁵⁴. Речь Гейна содержала уже знакомый нам мотив об использовании национального дохода союза на нужды промышленности и внутренних улучшений, что было, по его мнению, свидетельством привилегированного положения северо-восточных штатов. Как вытекало из речи Гейна, южные и западные штаты, в наибольшей степени нуждавшиеся в свободных землях, оказались дискриминированными. Гейн считал, что отношение к общественным землям как к собственности федерального правительства и продажа их по высоким ценам большими участками служит дополнительным налогообложением южан и представителей Запада в пользу северных промышленников и торговцев⁵⁵.

Итак, не только беднейшие фермеры, ремесленники и рабочие, но и аграрная буржуазия Запада и плантаторы Юга проявили себя противниками взгляда на общественные земли как на государственную собственность. Тем не менее промышленная комиссия конгресса, возглавлявшаяся Г. Клеем и состоявшая главным образом из вигов, в ответ на дебаты по поводу резолюции Фута заявила, что общественные земли следует рассматривать как «собственность Соединенных Штатов, врученную им в надежде на общую пользу», как источник национального дохода наряду с другими предметами налогообложения в пользу государства. Когда же потребность в налогообложении уменьшится, говорилось в выводах, соответственно понизится и стоимость общественных земель⁵⁶.

Таковы в общих чертах объективные предпосылки экономической политики правительства США в 30-х годах XIX в., направленной

⁵² Aronson S. H. Status and Kingship in the Higher Civil Service. Cambridge (Mass.), 1964, p. 54.

⁵³ Gates P. W. The Farmer's Age: Agriculture 1815—1860. N. Y., 1960, p. 2.

⁵⁴ Register of Debates in Congress, vol. 6, p. 3, 32.

⁵⁵ Ibid., p. 33—34.

⁵⁶ American State Papers. Wash., 1859, vol. 4, p. 441—447.

на расширение прав штатов и отдельных граждан в использовании законов свободной конкуренции на основе отказа от государственных привилегий. Смысл этого изменения был глубоко социален и обуславливался прежде всего классовой борьбой, в которой на одном полюсе выступала аграрная буржуазия Запада, плантаторы Юга, наемные рабочие и мелкая буржуазия города и сельской местности, искавшая поддержки у исполнительной власти в лице президента и его кабинета, а на другом — торгово-промышленная и финансовая буржуазия Северо-Востока, «денежная аристократия», опиравшаяся на конгресс и Верховный суд США.

И все же мы не склонны абсолютизировать объективно существовавшую тенденцию к либерализации, тем более что для «джексоновской демократии» в целом были характерными стремления ее лидеров к классовому сотрудничеству, компромиссу и учету объективно назревших потребностей промышленного развития. Несмотря на сильную оппозицию со стороны плантаторов Юга, аграрной буржуазии Запада, фермеров, ремесленников и наемных рабочих по всей стране, буржуазные круги Северо-Востока, имевшие опору в конгрессе и Верховном суде США и объединившиеся в 30-х годах в партию вигов, неустанно боролись за претворение в жизнь другой реально назревшей тенденции, связанной с необходимостью поощрения отечественной промышленности на основах протекционизма и узаконенных государственных привилегий. Столкновение этих лишь на первый взгляд противоречивых тенденций и составило сущность идейно-политических конфликтов и партийной борьбы 30-х годов, найдя отражение и в трудах историков. Это в особенности касалось финансовой сферы.

Стимулируя спонтанность экономических процессов, в частности путем фактического закрытия центрального национального банка, Э. Джексон дал повод позднейшим исследователям периода поставить ему в вину тот факт, что этим актом он непосредственно воздействовал на экономическую конъюнктуру конца 30-х годов, увенчавшуюся крупнейшим с начала образования республики экономическим кризисом (1837 г.)⁵⁷. Нет нужды доказывать, что в еще большей мере в этом были убеждены современники, тем более что одним из результатов кризиса было увеличение стоимости жизни на 66%⁵⁸. Весьма распространенным является мнение, выраженное, в частности, Тейлором, о том, что «партия вигов пришла к власти вследствие экономического упадка 1837 г.», дискредитировавшего политику правительства демократов по изъятию депозитов из Второго банка США и передачу их в так называемые банки-любимчики⁵⁹.

⁵⁷ *McGrane R. Ch. The Panic of 1837. N. Y., 1965, p. 1; Handlin O., Handlin M. F. A Study of the Role of Government in the American Economy. Cambridge (Mass.), 1969, p. 215–216; Govan Th. R. Nicholas Biddle, Nationalist and Public Banker 1786–1884. Chicago, 1959.*

⁵⁸ *The Diary of Ph. Hone, vol. 1, p. 199.*

⁵⁹ *Taylor C. C. The Farmers' Movement 1620–1920. N. Y., 1953, p. 68. Подробнее об изъятии депозитов см.: Shade W. G. Banks and no Banks. The Money in Western Politics, 1832–1965. Detroit, 1972.*

Проблема экономических результатов этой наиболее радикальной из реформ 30-х годов занимала и продолжает занимать историков США, которые делятся в связи с этим на два лагеря: одни считают, что беспорядочная банковская система, ставшая альтернативой Второму банку, прямо воздействовала на кризис 1837 г., другие, напротив, отрицают наличие непосредственной взаимосвязи между этими явлениями и причины кризиса ищут в сфере действия спонтанных экономических законов, неподвластных ни политикам, ни народным массам⁶⁰. Противопоставляя свое мнение как традиционному, так и ревизионистскому, один из последних исследователей проблемы утверждает следующее: «Кризис 1837 г. произошел в связи с резким увеличением потребности общества в твердой валюте», в частности в звонкой монете⁶¹. Конечно, с точки зрения марксистской методологии это не может служить исчерпывающим объяснением столь сложного явления, как экономический кризис. Вопрос о том, в какой мере политика Э. Джексона по отношению к финансам воздействовала на ухудшение экономической конъюнктуры конца 30-х годов, сложен и еще ждет своих исследователей. Нас же в гораздо большей степени интересует соотношение двух направлений в развитии американского капитализма.

Как бы ни поощряли джексонианцы экстенсивный тип экономического развития, как бы ни удовлетворяли они местнические амбиции штатов и регионов, как бы ни стремились обезоружить своих политических противников, лишая их государственной опеки, это не могло снять насущного вопроса о способах регулирования экономики даже на ранней стадии развития капитализма. Строя планы замены Второго банка, Э. Джексон и его соратники по партии, пережившие кризисы 1819 и 1825 гг., сознавали опасность анархии в экономической, и прежде всего финансовой, сфере. Джексон первоначально думал заменить Второй банк другим национальным банком, который бы в большей мере отвечал общенациональным задачам⁶². Характерно, что, изъяс депозиты из Банка США и передав их в ряд специально избранных местных банков, джексонианцы имели целью держать их под своим контролем. Сами они смотрели на введенную ими систему как на своеобразную замену националь-

⁶⁰ *Macese G.* Sources of Monetary Disturbances in the U. S., 1834–1835.— *Journal of Economic History*, 1960, vol. 20, N 3, p. 407–434; *North D. C.* The Economic Growth of the United States 1790 to 1860. Prentice Hall, 1961; *Scheiber H. N.* The Pet Banks in Jacksonian Politics and Finance, 1833–1841.— *Journal of Economic History*, 1963, vol. 23, N 2, p. 196–214; *Temin P.* The Jacksonian Economy. N. Y., 1969; *Idem.* The Anglo-American Business Cycle, 1820–60.— *Economic History Review*, 1934, vol. 27, N 2, p. 207–221; *Engerman S. L.* A Note on the Economic Consequence of the Second Bank of the United States.— *Journal of Political Economy*, 1970, vol. 78, N 4, p. 725–728.

⁶¹ *Suchka M. E.* The Antebellum Money Market and the Economic Impact of the Bank War.— *Journal of Economic History*, 1976, vol. 36, N 4, p. 834.

⁶² Correspondence of Andrew Jackson, vol. 5, p. 3; A Compilation of Messages and Papers..., vol. 2, p. 528; *Кэпи Г. К.* Указ. соч., с. 17.

ному банку⁶³. Другой попыткой контроля над финансами и сдерживания капиталистической анархии была «система звонкой монеты». Объективной причиной ее введения было недоверие к бумажным деньгам вообще, а следовательно, и к банкам, их порождавшим, весьма распространенное в широких кругах американского общества и разделявшееся джексонианцами. Попытки правительства демократов увеличить объем звонкой монеты в денежном обращении предпринимались почти параллельно с действиями депозитных «банков-любимчиков»⁶⁴.

Все это дало повод современным американским исследователям подвергнуть сомнению традиционное суждение о том, что разрушение центрального банка было реализацией доктрины экономического либерализма⁶⁵. Последнее же лишь подтверждает представление о противоречивой сложности исторического развития США в 30-х годах XIX в., когда капитализм свободной конкуренции становился объективной реальностью и порождал присущие ему анархические явления в экономике. Так, несмотря на попытки джексонианцев контролировать действия избранных депозитных банков, этот контроль уже не мог заменить централизующие функции разрушенного Банка США. Если с 1820 по 1830 г. количество банков возросло с 303 до 330 и их капиталы соответственно — со 137 210 611 долл. до 145 192 260 долл., то уже с 1830 по 1835 г. изменения были значительно большие: число банков возросло с 330 до 558, а величина их капиталов — со 145 194 268 до 229 584 361 долл.⁶⁶

Классовые противоречия американского общества, которые продиктовали джексонианцам их политическое кредо — защиту интересов большинства, заставили их искать путь «золотой середины» в экономической политике. Финансы больше других отраслей хозяйства требовали контроля со стороны государства, и именно поэтому джексонианцы пытались выступить в этой сфере с регулирующих позиций. Но это было лишь исключением из правила, т. е. общей для них тенденции к отделению государства от экономики, которая сказалась в отмене субсидий на «внутренние улучшения», ускорении выплаты государственного долга, в поощрении скваттерства в противовес политике сохранения государственного фонда общественных земель, в отмене тюремного заключения за долги, в стремлении к понижению государственных налогов и приверженности к умеренному тарифу в отличие от протекционистского и т. д. Сопратник, а затем и преемник Джексона Ван-Бюрен в послании конгрессу в 1837 г. отменил все сомнения относительно верности членов своей партии доктрине экономического либерализма. Говоря от имени фермеров, «приверженных конституции», и тех, кто «полагался

⁶³ Register of Debates in Congress, vol. 8, p. 1266–1281.

⁶⁴ A Compilation of Messages and Papers..., vol. 2, p. 236–260.

⁶⁵ Scheiber H. N. The Pet Banks in Jacksonian Politics and Finance, 1833–1841. — Journal of Economic History, 1963, vol. 23, N 2, p. 200, 212; McFaul J. M. Op. cit., p. 89.

⁶⁶ The American Almanac and Prepository of Useful Knowledge for the Year 1837. Boston, 1837, p. 143.

на нее с проникательной осмотрительностью», президент высказал следующее мнение: «Чем меньше правительство вмешивается в личные дела граждан, тем лучше для общего процветания». Ван-Бюрен считал, что «истинная обязанность государства — предоставить каждому гражданину и каждой группе интересов пожинать под его милостивой защитой плоды своих собственных добродетелей, усилий и благоразумия»⁶⁷.

Необходимость как одного, так и другого направления экономической политики не раз была подтверждена тем, что политические деятели, бизнесмены и те, кто пытался теоретически обобщить исторический опыт еще сравнительно молодого буржуазного государства, переходили из лагеря защитников свободы торговли и экономического либерализма в лагерь поборников системы государственной опеки над промышленностью и транспортом, протекционизма в торговле и федерального регулирования финансов⁶⁸.

Характерным примером поисков экономического баланса были теоретические метания Кэри. Критикуя его антинаучный подход к анализу капиталистического развития США, К. Маркс, в частности, писал о том, что этот представитель вульгарной политэкономии «сначала «объявляет капиталистические производственные отношения вечными законами природы и разума, а государственное вмешательство лишь нарушающим их свободную гармоническую игру, а затем открывает, что дьявольское влияние Англии на мировом рынке, — влияние, по-видимому, не вытекающее из естественных законов капиталистического производства, — вызывает необходимость государственного вмешательства, а именно государственной защиты этих „законов природы и разума“, alias [иначе] — необходимость системы протекционизма»⁶⁹.

В письме к Энгельсу от 14 июня 1853 г. К. Маркс также подчеркивает изменение во взглядах Кэри, который еще недавно «все зло выводил из излишнего вмешательства государства... Теперь он поет другую песню. Все зло происходит от централизующего влияния крупной промышленности. А в этом централизующем влиянии виновата Англия, которая превращается в мастерскую мира и отбрасывает все остальные страны назад к грубому и оторванному от мануфактуры земледелию... Чтобы избежать всего этого, — пишет далее К. Маркс, — чтобы противопоставить централизации локализацию и повсеместный союз рассеянных по всей стране фабрик с земледелием, этот ярый сторонник свободы торговли рекомендует в конце концов покровительственные пошлины»⁷⁰.

Приводя данные о колебаниях валового дохода государства, Кэри этого более позднего периода дает своеобразную цифровую иллюстрацию изменениям общего благосостояния США. По его данным, за период с 1836 по 1840 г. валовой доход понизился с 48 млн. до 16 млн. Почти такой же перепад был и в период с 1817 по

⁶⁷ A Compilation of Messages and Papers..., vol. 3, p. 344.

⁶⁸ Welter R. The Mind of America, 1820–1860. N. Y., 1975, p. 129–162.

⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 574.

⁷⁰ Там же, т. 28, с. 227.

1822 г., т. е. в очередной «разорительный период свободы торговли»⁷¹. Третий период свободы торговли наступает, по мнению Кэри, после 1846 г., принося с собой столь же плачевные результаты, причины которых экономист видит в политике экономического либерализма, при которой «дело центрального правительства — только заботиться о самом себе, а народ пусть сам защищается как хочет»⁷².

Мы знаем, что и в дальнейшем экономическое развитие США, как и любого другого капиталистического государства, претерпевало периоды циклических кризисов, каждый раз вызывая ответные меры со стороны правительства, пытавшегося противостоять анархии капиталистического производства. Но в изучаемый нами период происходило любопытное смешение методов экономической политики, когда трудно было провести грань между экономическим либерализмом и правами штатов⁷³, попытками государственного регулирования и централизацией во имя национального единства, экономическими и политическими мотивировками правительственных актов. Спорность, противоречивость, сложность эпохи заключалась в ее переходном характере от капитализма мануфактурного периода к стадии свободной конкуренции, а также в непрекращавшемся процессе расширения границ американского государства и многообразии его хозяйственно-экономических, природно-климатических и традиционно-исторических зон, или секций (по американской терминологии).

Капитализм свободной конкуренции, развитие которого стало возможным в США благодаря успехам промышленного переворота, уже к концу 20-х годов поставил перед правящими классами страны проблему выработки такого экономического курса, который бы отвечал объективно сложившимся условиям социально-экономической и политической жизни. Им стала политика экономического либерализма, инициаторами которой явились представители демократической партии, пришедшей к власти во главе с Э. Джексоном. Однако эта политика выражала лишь одну из традиционных тенденций экономического развития — другая, полярная ей, нашла отражение в деятельности оппозиционной партии вигов (бывших «национальных республиканцев»).

Противоречия между интенсивным и экстенсивным типами капиталистического развития породили классовые конфликты эпохи 30-х годов и имели главным политическим итогом создание второй двухпартийной системы правления: демократы — виги.

Характерной чертой двух указанных тенденций, с самого начала развивавшихся в США в рамках капитализма, было их диалектическое единство. Каждая из них вносила определенный вклад в прогрессивное развитие американской нации.

⁷¹ Кэри Г. К. Указ. соч., с. 241.

⁷² Там же, с. 250.

⁷³ Существует мнение, что в «чистом виде» политика экономического либерализма (*laissez faire*) в США никогда не существовала. См.: *Faulkner H. U. The Decline of laissez faire, 1897–1917. N. Y., 1951, p. 366.*

Определяющей чертой политики демократов было стремление к социально-экономической гармонии и компромиссу, что объяснялось интересами широкомасштабного национального развития с учетом классовых и региональных противоречий. В этой связи политика экономического либерализма, поощрявшая свободное предпринимательство, носила характер своеобразной поправки к чрезмерно агрессивному наступлению промышленно-финансового капитала, который пользовался государственными привилегиями в ущерб интересам большинства населения страны. Если противоречие между традиционно-капиталистическим способом производства и рабовладением не могло решиться иначе чем с помощью гражданской войны, то противоречие между трудом и капиталом в условиях буржуазно-демократического государства удавалось сглаживать с помощью борьбы против злоупотреблений в использовании государственных, общенациональных средств. Именно такую роль примирителей социальных противоречий и сыграли демократы-джексоныанцы, выступая в 30-х годах против монополизации капиталистического предпринимательства, за права «большинства». В результате был достигнут относительный баланс между объективно назревшей тенденцией развития капитализма вширь и стимулируемым сверху развитием его вглубь.

Либеральная традиция в США еще со времен борьбы за независимость приняла форму аграрной демократии, главным объектом устремлений которой были западные земли, движущими силами — фермеры и плантаторы, идеологическим кредо — социальное равноправие и права штатов. Процесс промышленного переворота хотя и имел сильное воздействие на весь ход экономического развития Соединенных Штатов, но все же не мог на первых порах изменить факта преобладания сельского населения над промышленным. А это означало, что при условии сохранения в 30-х годах фонда общественных земель западный мелкобуржуазный идеал не только не утратил своей действенности, но под угрозой наступления промышленности приобрел особую полемическую остроту.

Необходимость удовлетворения противоречивых классовых и региональных интересов растущей нации, расширение рамок социальной и политической жизни — таковы были объективные предпосылки деятельности президента США Эндрю Джексона.

В эпоху 30-х годов, когда промышленный переворот был еще на пути к своему полному расцвету, не только фермеры и рабочие выражали протест по отношению к элитарной позиции защитников системы протекционизма. В оппозицию к ней стали те представители высших кругов буржуазии Запада и Северо-Востока и плантаторов Юга, которые были противниками государственных привилегий и методов федерального регулирования и опеки над промышленностью и транспортом за счет национального дохода. Именно они взяли на себя инициативу по созданию массовой демократической партии, борьба которой против «денежной аристократии», за удовлетворение основных требований широких народных масс стала главной причиной слияния с ней рабочего и фермерского движения.